

К читателю

Хотя, живя и работая в Германии в первую половину недолгого существования Третьего Рейха, я имел возможность наблюдать, как Адольф Гитлер, диктатор великой и загадочной нации, консолидировал силы, а затем вверг страну в пучину войн, личный опыт не заставил бы меня взяться за перо и написать эту книгу, если бы в конце Второй мировой войны не произошло событие, не имеющее аналогов в истории.

Я имею в виду захват секретных государственных архивов Германии и всех их филиалов, включая архивы министерства иностранных дел, сухопутных войск и военно-морских сил, национал-социалистической партии и тайной полиции Генриха Гиммлера. Думаю, в истории не было прецедентов, когда столь ценные материалы попадали в руки современных исследователей. До сих пор архивы великих держав — даже после поражения в войне и революционного свержения правительства, как это имело место в России в 1917 году и в Германии в 1918 году, — охранялись государством. Полностью публиковались лишь те документы, которые служили интересам правительства, пришедшего к власти.

Стремительный крах Третьего Рейха весной 1945 года привел к тому, что в результате капитуляции были обнародованы не только многочисленные секретные документы, но и такие бесценные материалы, как личные дневники, строго засекреченные выступления, отчеты конференций, переписка и даже телефонные разговоры нацистских главарей, по распоряжению Германа Геринга записанные специальной службой, размещавшейся в министерстве военно-воздушных сил.

Генерал Франц Гальдер, например, вел дневник, делая стенографические записи по несколько раз на дню. Записи генерала — уникальный источник краткой информации за период с 14 августа 1939-го по 24 сентября 1942 года, когда он занимал пост начальника Генерального штаба сухопутных войск и ежедневно встречался с Гитлером и другими главарями нацистской Германии. Среди

6 дневников это наиболее показательные записи, но есть и другие, также представляющие большую ценность. Сюда относятся дневники доктора Йозефа Геббельса, министра пропаганды, близкого соратника Гитлера по партии, и генерала Альфреда Йодля, начальника штаба оперативного командования вооруженных сил (ОКВ). Существуют также записи самого ОКВ и штаба военно-морских сил. Действительно, в шестидесяти тысячах досье военно-морских архивов Германии, захваченных в замке Тамбах под Кобургом, приводятся практически все сигналы связи, судовые журналы, дневники, меморандумы и другие документы немецкого военно-морского флота, датированные апрелем 1945 года, когда они были найдены, и более ранние, начиная с 1868 года — года создания военно-морских сил Германии.

485 тонн материалов министерства иностранных дел Германии, захваченные 1-й американской армией в различных замках и шахтах Гарца в тот момент, когда по приказу из Берлина их должны были уничтожить, охватывают не только период Третьего Рейха, но и Веймарскую республику и начинаются со времени правления Бисмарка — Второго Рейха.

Долгие годы по окончании войны тонны нацистских документов лежали опечатанными на большом военном складе в американском городе Александрия, штат Виргиния. Правительство США не высказывало желания хотя бы вскрыть ящики и посмотреть, какие материалы представят интерес для историков. Наконец в 1955 году, десять лет спустя после того, как они были захвачены, по инициативе Американской исторической ассоциации и благодаря финансовой поддержке нескольких частных фондов материалы были открыты. Небольшая группа ученых, не располагавшая достаточным оборудованием, приступила к работе — анализу и фотографированию документов, прежде чем правительство поспешно передало их Германии. Материалы оказались настоящей находкой.

Большую ценность представляют и такие документы, как 51 частично застенографированное «выступление» фюрера о военном положении, которое ежедневно обсуждалось в ставке Гитлера, и полный текст бесед нацистского главаря со старыми товарищами по партии и секретарями во время войны. Первые удалось обнаружить среди обугленных бумаг, оставшихся после Гитлера в Берхтесгадене, офицеру-разведчику 101-й воздушно-десантной дивизии США, вторые были найдены в материалах Мартина Бормана.

Сотни тысяч захваченных нацистских документов были спешно отправлены в Нюрнберг на судебный процесс и фигурировали в качестве улик против главных нацистских военных преступников. Освещая в газете первую половину Нюрнбергского процесса, я собрал кипу мимеографических копий, а позднее —

опубликованные в сорока двух томах свидетельские показания и документы, дополненные десятью томами переводов важных материалов на английском языке. Тексты других документов, собранные в пятнадцатитомных сериях по материалам следующих двенадцати судебных процессов в Нюрнберге, также представляют определенную ценность, хотя многие свидетельские показания и факты не приведены.

И наконец, помимо этих объемистых материалов имелись подробные записи допросов немецких военных, партийных и государственных служащих, их свидетельские показания, данные под присягой на различных послевоенных судебных процессах, что обеспечивало исследователей информацией, на мой взгляд, ранее им неизвестной.

Естественно, я не мог прочесть документацию в полном объеме — это не по силам одному человеку, однако я тщательно проанализировал значительную часть материалов. Работа замедлялась из-за отсутствия подходящих ориентиров, как и у других исследователей, трудившихся над таким же обилием информации.

Весьма знаменательно, как мало находившиеся в Германии во времена нацизма журналисты и дипломаты знали о том, что происходило за фасадом Третьего Рейха. Тоталитарная диктатура в силу своей природы действовала в строжайшей тайне и умела оградить эту тайну от посторонних взглядов. Довольно просто было выделять и описывать неприкрашенные, волнующие и часто вызывающие отвращение события, происходившие в Третьем Рейхе: приход Гитлера к власти, поджог рейхстага, кровавую расправу над Ремом, аншлюс Австрии, капитуляцию Чемберлена в Мюнхене, оккупацию Чехословакии, нападение на Польшу, Скандинавию, Западную Европу, Балканы и Россию, ужасы нацистской оккупации и концентрационных лагерей, ликвидацию евреев.

Но втайне принятые роковые решения, интриги, измены, мотивы и заблуждения, приведшие к этому, сцены, сыгранные главными актерами за опущенным занавесом, размах осуществляемого ими террора и техника его организации — все это и многое другое в значительной степени было нам неведомо, пока не всплыли на свет секретные документы нацистской Германии.

Кое-кто, возможно, полагает, что слишком рано писать историю Третьего Рейха, что такую задачу надо оставить потомкам, у которых появится временная перспектива. Я обнаружил, что подобный взгляд особенно распространен во Франции, когда приехал туда, чтобы провести определенную исследовательскую работу. Мне говорили, что историку нужно заниматься эпохой Наполеона, но никак не более поздним периодом.

В таком подходе есть свои плюсы. Историки ждали пятьдесят, сто или больше лет, прежде чем описать какую-либо страну,

8 империю или эпоху. Но не происходило ли это главным образом потому, что требовалось много времени, чтобы разыскать подходящие документы и представить подлинный материал? И, несмотря на все преимущества временной перспективы, не терялось ли что-то, поскольку у авторов отсутствовало личное знание эпохи, атмосферы того времени и исторических фигур, которые они описывали?

В случае с Третьим Рейхом — а он поистине уникален — в момент его падения имелись почти все документальные материалы, которые были дополнены свидетельскими показаниями военных и государственных деятелей, оставшихся в живых или позднее понесших самое суровое наказание. Располагая уникальными источниками и хорошо помня жизнь в нацистской Германии, внешний облик, поведение и характер лиц, находившихся у власти, в первую очередь Гитлера, я решил, чего бы мне это ни стоило, изложить историю взлета и падения Третьего Рейха.

«Я прожил всю войну, — заметил Фукидид в «Истории Peloponnesской войны» — величайшем историческом труде, когда-либо написанном, — с годами постигая события и уделяя им внимание, чтобы познать их истинный смысл».

Мне было довольно трудно (и не всегда удавалось) познать истинный смысл событий, происходивших в гитлеровской Германии. Лавина фактического материала помогала в поисках истины, что, вероятно, было возможно и двадцать лет назад, но его обилие часто вводило в заблуждение. Во всех записях и свидетельских показаниях непременно встречались загадочные противоречия.

Несомненно, что мои собственные предубеждения, тесно связанные с личным жизненным опытом и поведением, время от времени проникают на страницы этой книги. Я в принципе не приемлю тоталитарную диктатуру, но стал испытывать еще большее отвращение к ней, живя в Германии и наблюдая, как гнусно оскорбляют человеческую личность. И все же в этой работе я постарался быть предельно объективным, заставляя говорить вместо себя факты и каждый раз ссылаясь на источники. В книге нет вымышленных ситуаций, сцен или цитат, все основано на документах, свидетельских показаниях или личных наблюдениях. Примерно в шести случаях, когда вместо фактов выдвигаются предположения, этому даются соответствующие объяснения.

Не сомневаюсь, что моя трактовка событий многими будет оспорена. Это неизбежно, поскольку ошибаться может каждый. Я решился изложить свои взгляды, чтобы сделать повествование более ясным и обоснованным, выбрав самое бесспорное из свидетельских показаний и используя собственный жизненный опыт и знания.

Книга первая

ПРИХОД ГИТЛЕРА К ВЛАСТИ

Глава 1

РОЖДЕНИЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

В канун рождения Третьего Рейха Берлин лихорадило. Веймарской республике — это было ясно чуть ли не каждому — пришел конец. Агония республики длилась уже более года. Генерала Курта фон Шлейхера, как и его предшественника Франца фон Папена, мало волновала судьба республики и еще меньше — судьба демократии. Генерал, как и фон Папен, назначенный президентским указом канцлером и руководивший страной, не согласовывая своих действий с парламентом, находился у власти уже пятьдесят семь дней.

28 января 1933 года, в субботу, он был внезапно смещен престарелым президентом республики фельдмаршалом фон Гинденбургом. Адольф Гитлер, глава национал-социалистической партии — самой крупной политической партии Германии, потребовал назначить его канцлером демократической республики, которую он поклялся уничтожить.

В те роковые дни в столице распространялись самые невероятные слухи. Поговаривали, что Шлейхер вместе с генералом Куртом фон Хаммерштейном, командующим сухопутными войсками, при поддержке Потсдамского гарнизона готовят путч и собираются арестовать президента и установить военную диктатуру. Не исключали также вероятности нацистского путча. Берлинские штурмовики при содействии полицейских, симпатизировавших нацистам, намеревались захватить Вильгельмштрассе, где находился президентский дворец и большинство государственных учреждений.

Поговаривали и о всеобщей забастовке. В воскресенье 29 января около ста тысяч рабочих собрались в Лустгартене в центре Берлина, чтобы протестовать, если Гитлера назначат главой нового правительства. Однажды, во времена Капповского путча в 1920 году, посредством всеобщей забастовки удалось спасти республику, когда правительство бежало из столицы.

Большую часть ночи с воскресенья на понедельник Гитлер не спал, прохаживаясь взад-вперед по номеру отеля «Кайзер-

10 хоф», расположенного на Рейхсканцлерплац, неподалеку от резиденции канцлера. Несмотря на некоторую нервозность, он был абсолютно уверен, что его час пробил. Почти месяц он вел секретные переговоры с Папеном и другими лидерами правого крыла консерваторов. Пришлось идти на компромисс. Ему бы не позволили сформировать правительство, состоящее только из нацистов. Но он мог стать главой коалиционного правительства, члены которого (восемь из одиннадцати не принадлежали к национал-социалистической партии) разделяли бы его взгляды о необходимости ликвидировать демократический веймарский режим. Лишь старый упрямый президент, похоже, стоял на его пути. 26 января, за два дня до решающих событий, убежденный сединами фельдмаршал заявил генералу фон Хаммерштейну, что «не намерен назначать этого австрийского капрала ни министром обороны, ни рейхсканцлером».

Тем не менее под давлением сына, майора Оскара фон Гинденбурга, статс-секретаря президента Отто фон Мейснера, Папена и других членов придворной клики президент в конце концов сдался. Ему было восемьдесят шесть лет, и возраст давал о себе знать. В воскресенье 29 января, после обеда, когда Гитлер с Геббельсом и другими товарищами сидели за чашкой кофе, в комнату ворвался Герман Геринг, председатель рейхстага и второй человек после Гитлера в нацистской партии, и решительно заявил, что утром Гитлер будет назначен канцлером.

В понедельник 30 января 1933 года, около полудня, Гитлер отправился в рейхсканцелярию на беседу с Гинденбургом, которая имела роковые последствия для самого Гитлера, для Германии и для всего человечества. Из окон «Кайзерхофа» Геббельс, Рем и другие нацистские главари с нетерпением наблюдали за дверями канцелярии, откуда вскоре должен был появиться фюрер. «По его лицу мы узнаем, удалось добиться успеха или нет», — заметил Геббельс. Даже тогда они не были до конца уверены в успехе. «Сердца наши переполняли сомнения, надежды, радость, уныние... — записал впоследствии в своем дневнике Геббельс. — Мы так часто разочаровывались, что непростом было всей душой уверовать, что великое чудо свершилось».

Несколько минут спустя они стали свидетелями этого чуда. Человек с усиками Чарли Чаплина, бедствовавший в юности, никому не известный солдат Первой мировой войны, всеми покинутый в Мюнхене в суровые послевоенные дни, чудаковатый главарь «пивного путча», оратор, мастерски владеющий аудиторией, австриец, а не немец по происхождению, которому исполнилось лишь сорок три года, был только что приведен к присяге в должности рейхсканцлера Германии.

Проехав сотню метров до «Кайзерхофа», он оказался в компании своих закадычных друзей — Геббельса, Геринга, Рема и других «коричневых», которые помогли ему расчистить тернистый путь к власти. «Он ничего не сказал, и никто из нас ничего не произнес, — отметил Геббельс, — но глаза его были полны слез».

До поздней ночи штурмовые отряды нацистов исступленно маршировали с факелами, празднуя победу. Четко разбившись на колонны, они появились из глубины Тиргартена и прошествовали под Триумфальной аркой Бранденбургских ворот вниз по Вильгельмштрассе. Духовые оркестры громко трубили военные марши под оглушающий бой барабанов, нацисты распевали новый гимн «Хорст Вессель» и старинные немецкие песни, энергично отбивая каблуками ритм по мостовой. Факелы, которые они держали высоко над головами, напоминали в темноте огненную ленту, и это вызывало восторженные возгласы людей, толпившихся на тротуарах.

Гинденбург наблюдал за марширующими из окна дворца, тростью отбивая ритм, явно довольный тем, что наконец-то нашел на пост канцлера человека, способного пробудить в народе истинно немецкие чувства. Вряд ли он подозревал, какого зверя спустил сегодня с цепи.

Чуть дальше по Вильгельмштрассе у открытого окна рейхсканцелярии стоял радостный и возбужденный Адольф Гитлер, он пританцовывал, периодически выбрасывая руку в нацистском приветствии, и весело смеялся, пока на глаза вновь не навернулись слезы.

Происходящие в тот вечер события вызвали у одного иностранного наблюдателя иные чувства. «Факельное шествие проплыло мимо французского посольства, — писал посол Франции в Германии Андре Франсуа-Понсе, — и я смотрел вслед ему с тяжелым сердцем и тревогой».

Усталый, но счастливый Геббельс вернулся домой в три часа ночи. Прежде чем отойти ко сну, он записал в дневнике: «Похоже на сон... на сказку... рождение нового рейха. Четырнадцать лет работы увенчались победой. Немецкая революция началась!»

«Третий Рейх, рождение которому было положено 30 января 1933 года, — хвастался Гитлер, — просуществует тысячу лет». И впредь нацистская пропаганда будет часто называть его «тысячелетним» рейхом. Он просуществует двенадцать лет и четыре месяца, но за этот мимолетный с точки зрения истории период вызовет на земле потрясения более мощные и разрушительные, чем любая из существовавших ранее империй, вознеся немцев к таким высотам власти, какие им были неведомы более тысячи лет, сделав их хозяевами Европы от Атлантики до Волги, от Се-

12 верного моря до Средиземноморья и ввергнув в пучину разрухи и отчаяния в конце Второй мировой войны, которую хладнокровно спровоцировала немецкая нация и в ходе которой на оккупированных территориях царили террор и страх, по масштабам истребления народов и уничтожения человеческой личности превосшедшие самые дикие тирании предшествующих веков.

Человек, создавший Третий Рейх, правивший страной с необычайной жестокостью и безжалостной прямолинейностью, вознесший Германию на гребень столь головокружительного успеха и приведший ее к столь печальному концу, был, несомненно, злым гением. Верно, что он обнаружил в немцах (хотя таинственное провидение и вековой жизненный опыт уже сформировали их к тому времени) то, что послужило материалом для достижения его собственных зловещих целей. Однако можно почти с уверенностью утверждать, что без Адольфа Гитлера, личности демонической, обладавшей негибаемой волей, сверхъестественной интуицией, хладнокровной жестокостью, незаурядным умом, пылким воображением и — вплоть до окончания войны, когда в упоении властью и успехом он зашел слишком далеко, — удивительной способностью оценивать обстановку и людей, не было бы и Третьего Рейха.

Как заметил выдающийся немецкий историк Фридрих Майнеке: «Это один из известных примеров необычной силы личности в истории».

Некоторым немцам и, безусловно, многим иностранцам казалось, что в Берлине к власти пришел какой-то фигляр и шарлатан. Большинство же немцев считали Гитлера (или вскоре стали считать) по-настоящему обаятельным лидером. Они слепо шли за ним в течение двенадцати последующих лет, словно он обладал неким пророческим даром.

Зная его происхождение и юность, трудно представить более неподходящую кандидатуру на роль продолжателя дела Бисмарка, династии Гогенцоллернов и президента Гинденбурга, чем этот странный мужлан-австрияк, родившийся в половине седьмого вечера 20 апреля 1889 года в скромной гостинице «Цум Поммер» в городе Браунау-ам-Инн, расположенном на границе с Баварией.

Месту рождения на австро-германской границе придавалось большое значение, поскольку в юности Гитлер был одержим идеей, согласно которой два германоязычных народа принадлежат одному рейху и не могут быть разделены границей. Его чувства были настолько сильны и глубоки, что в тридцать пять лет, сидя в немецкой тюрьме и диктуя книгу, которая стала для Третьего Рейха руководством к действию, Гитлер в первой же строке под-

черкнул, что видит определенную символику в том, что родился именно там: 13

«То, что судьба выбрала Браунау-ам-Инн местом моего рождения, кажется мне сейчас знаком Божиим. Этот маленький городок находится на границе двух немецких государств, объединению которых мы, более молодое поколение, решили посвятить свою жизнь, чего бы это нам ни стоило... Небольшой городок видится мне символом высокого предназначения».

Адольф Гитлер был третьим сыном от третьего брака мелкого австрийского чиновника, незаконнорожденного, до тридцати девяти лет носившего фамилию своей матери Шикльгрубер. Фамилия Гитлер встречалась как по материнской, так и по отцовской линии. И бабушка Гитлера по матери, и дед его по отцу носили фамилию Гитлер или ее варианты — Гидлер, Гютлер, Гюттлер. Мать Адольфа доводилась его отцу двоюродной сестрой, и на брак потребовалось разрешение епископа.

Предки будущего немецкого фюрера на протяжении поколений обитали в Вальдфиртеле — районе Нижней Австрии, расположенном между Дунаем, Богемией и Моравией. Направляясь из Вены в Прагу или Германию, я неоднократно проезжал мимо этого места. Холмистое, лесное, с крестьянскими деревеньками и небольшими фермами, находящееся от Вены в каких-нибудь пятидесяти километрах, оно казалось убогим и заброшенным, словно события австрийской истории не коснулись его. Жители отличались суровым нравом, как и чешские крестьяне, проживавшие чуть севернее. Родственные браки были делом привычным, как в случае с родителями Гитлера, и дети, рожденные вне брака, не были редким явлением.

Быт родственников по материнской линии отличался стабильностью. Четыре поколения семьи Клары Пёльцль жили в деревне Шпиталь, в доме под номером тридцать семь. История предков Гитлера по отцовской линии совершенно иная. Как мы заметили, произношение фамилии менялось, менялось и местожительство семьи. Гитлерам было свойственно непостоянство, вечная тяга к переездам из деревни в деревню. Они брались то за одну работу, то за другую, не желая связывать себя прочными узами, проявляли по отношению к женщинам некоторое легкомыслие.

Иоганн Георг Гидлер, дед Адольфа, был бродячим мельником, подрабатывая то в одной, то в другой деревушке Нижней Австрии. В 1824 году через пять месяцев после свадьбы у него родился сын, но жена с ребенком умерли. Он женился вторично восемнадцать лет спустя в Дюрентале на сорокасемилетней крестьянке Марии Анне Шикльгрубер из деревни Штронес. За пять лет до замужества, 7 июня 1837 года, она родила внебрачного

14 сына, будущего отца Адольфа Гитлера, которого назвала Алоисом. Вполне вероятно, что Иоганн Гидлер приходился ребенку отцом, но данных, подтверждающих это, нет. Во всяком случае, Иоганн в конце концов женился на ней, однако усыновить после свадьбы мальчика не удосужился, и ребенку дали фамилию матери Шикльгрубер.

Мария умерла в 1847 году. После ее кончины Иоганн Гидлер исчез, и о нем ничего не было слышно в течение тридцати лет. В возрасте восьмидесяти четырех лет он объявился в городе Вейтра в Вальдфиртеле, заменив в своей фамилии букву «д» на «т» (Гитлер), чтобы заверить у нотариуса в присутствии трех свидетелей, что он — отец Алоиса Шикльгрубера. Почему старику потребовалось столько времени, чтобы сделать этот шаг, и почему он его в конце концов сделал, из имеющихся источников неясно. Согласно версии Хайдена, Алоис впоследствии признался приятелю, что это было необходимо для получения наследства от дяди — брата мельника, вырастившего юношу в своей семье. Запоздалое признание отцовства было, таким образом, зафиксировано 6 июня 1876 года, а 23 ноября приходский священник в Дёллершейме, получив письменное извещение нотариуса, зачеркнул в церковной книге фамилию Шикльгрубер и записал: «Гитлер».

С этого момента отец Адольфа на законном основании носил фамилию Гитлер, которая, естественно, перешла к его сыну. Лишь в 30-е годы предприимчивые журналисты, порывшись в архивах приходской церкви, раскопали факты происхождения Гитлера и, несмотря на запоздалое признание старым Иоганном Георгом Гидлером своего внебрачного сына, пытались называть нацистского фюрера Адольфом Шикльгрубером.

В странной жизни Адольфа Гитлера, полной необъяснимых превратностей судьбы, этот случай, имевший место за тринадцать лет до его рождения, кажется самым необъяснимым. Если бы восьмидесятичетырехлетний бродячий мельник не объявился, чтобы признать свое отцовство по отношению к тридцатидевятилетнему сыну спустя тридцать лет после смерти его матери, Адольфа Гитлера звали бы Адольфом Шикльгрубером.

Факт сам по себе, может быть, малозначачий, однако я слышал, как немцы строили догадки по поводу того, удалось бы Гитлеру стать хозяином Германии, если бы он остался Шикльгрубером. Есть что-то смешное в том, как эту фамилию произносят немцы на юге страны. Разве можно представить толпу, неистово выкрикивающую «Хайль! Хайль, Шикльгрубер!»? «Хайль, Гитлер!» не только напоминало вагнеровскую музыку, воспевающую языческий дух древнегерманских саг и соответствующую мистическому настрою массовых нацистских сборищ, но и использовалось во времена Третьего Рейха как обязательная форма привет-

ствия, заменявшее даже привычное «алло». «Хайль, Шикльгрубер!» — это представить гораздо труднее*.

Очевидно, родители Алоиса никогда не жили вместе и после свадьбы, и будущий отец Адольфа Гитлера рос в семье своего дяди, который, приходясь Иоганну Георгу Гидлеру братом, проносил свою фамилию на иной лад и был известен как Иоганн фон Непомук Гютлер. Принимая во внимание оголтелую с ранней молодости ненависть нацистского фюрера к чехам — нации, которую он впоследствии полностью лишил независимости, следует сказать, что Непомук был национальным святым чешского народа, и некоторые историки усматривают в этом наличие чешской крови в его роду.

Алоис Шикльгрубер вначале изучал сапожное дело в деревне Шпиталь, но, будучи, как и его отец, натурой беспокойной, вскоре отправился на заработки в Вену. В восемнадцать лет он вступил в пограничную полицию австрийской таможенной службы, через девять лет получил повышение и женился на Анне Гласл-Хёерер, приемной дочери таможенного чиновника. За невесту дали небольшое приданое, и социальный статус Алоиса повысился — обычное явление в среде австро-венгерского чиновничества низшего звена. Но брак этот оказался несчастливым. Анна была на четырнадцать лет старше мужа, слаба здоровьем и не могла иметь детей. Прожив шестнадцать лет, они расстались, и через три года, в 1883 году, она умерла.

До разрыва с женой Алоис, теперь уже на законном основании именовавшийся Гитлером, сошелся с молодой кухаркой при гостинице Франциской Матцельсбергер, которая в 1882 году родила от него сына, тоже Алоиса. Через месяц после смерти жены он женился на кухарке, а через три месяца она родила ему дочь Ангелу. И второй брак Алоиса оказался недолговечным. Год спустя Франциска скончалась от туберкулеза. А через шесть месяцев Алоис Гитлер женился в третий — и последний — раз.

Новой невесте Кларе Пёльцль, которая в скором времени станет матерью Адольфа Гитлера, было двадцать пять, ее мужу — сорок восемь, и они давно знали друг друга. Клара была родом из Шпиталья — деревни, в которой проживали многочисленные родственники Гитлеров. Иоганн фон Непомук Гютлер, в семье которого вырос племянник Алоис Шикльгрубер-Гитлер, приходился ей дедушкой. Таким образом, Алоис доводился Кларе двоюрод-

* Гитлер, очевидно, и сам понимал это. В юности он признался своему единственному другу Августу Кубичеку, что ничто его так не обрадовало, как перемена фамилии отцом. Он заявлял, что фамилия Шикльгрубер кажется ему «какой-то грубой, топорной, не говоря уже о том, что она громоздка и неудобна. Фамилию Гидлер он находил... слишком мягкой, а вот Гитлер звучит славно и легко запоминается». — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.*

16 ным братом, и на их брак, как мы уже знаем, потребовалось разрешение епископа.

Это был союз, о котором таможенный чиновник подумывал задолго до момента, когда Клара вошла в его первую семью, где не было детей, в качестве приемной дочери. Девочка прожила с Шикльгуберами в Браунау несколько лет. Первая жена Алоиса часто болела, и у него, по-видимому, возникла мысль жениться на Кларе, как только он станет вдовцом. Отцовское признание и получение Алоисом наследства совпали с шестнадцатилетием девушки, когда она по закону уже могла выйти замуж. Но, как известно, первая жена после разрыва прожила еще несколько лет, а Алоис тем временем связался с кухаркой, и Клара в двадцать лет, покинув родную деревню, уехала в Вену, где нанялась служанкой.

Вернулась она через четыре года, чтобы вести хозяйство в доме двоюродного брата, — Франциска в последние месяцы жизни тоже жила отдельно от мужа. Алоис Гитлер и Клара Пёльцль поженились 7 января 1885 года, а через четыре месяца и десять дней у них родился первенец Густав. Он умер во младенчестве, как и дочь Ида, родившаяся в 1886 году.

Адольф Гитлер был их третьим ребенком. Младший брат Эдмунд, родившийся в 1894 году, прожил всего шесть лет. Пятый, и последний, ребенок — дочь Паула родилась в 1896 году и пережила своего брата.

Сводный брат Адольфа Алоис и сводная сестра Ангела — дети Франциски Матцельсбергер — выросли и стали взрослыми. Ангела, хорошенькая молодая женщина, вышла замуж за служащего налогового управления по фамилии Раубал, после его смерти работала в Вене экономкой, а одно время, если верить сведениям Хайдена, кухаркой в еврейской благотворительной общине. В 1928 году она переехала к Гитлеру в Берхтесгаден для ведения хозяйства, и в нацистских кругах много говорили о вкусной венской сдобе и сладких блюдах на десерт, приготовленных Ангелой, которые Гитлер поглощал с волчьим аппетитом. Она уехала от него в 1936 году, чтобы выйти замуж за профессора архитектуры в Дрездене, и Гитлер, будучи уже рейхсканцлером и диктатором, не простил ей этого и даже отказался сделать свадебный подарок. Она была единственной родственницей, с кем Гитлер в зрелом возрасте поддерживал тесные отношения. А впрочем, было еще одно исключение. У Ангелы была дочь — тоже Ангела (Гели) Раубал, красивая блондинка, к которой Гитлер, как мы убедимся, питал по-настоящему глубокое чувство.

Адольфу Гитлеру не нравилось, когда при нем упоминали имя сводного брата. Алоис Матцельсбергер, в дальнейшем по праву именовавшийся Алоисом Гитлером, стал официантом и на

протяжении долгих лет был не в ладах с законом. В семнадцать лет его приговорили за кражу к пяти месяцам тюрьмы, а в двадцать (тоже за кражу) — к восьми месяцам. В конце концов он переехал в Германию, но тут же впутался в новую историю. В 1924 году, когда Адольф Гитлер томился в тюрьме за организацию бунта в Мюнхене, гамбургский суд приговорил Алоиса Гитлера к шестимесячному заключению за двоеженство. Затем, как рассказывает Хайден, он поселился в Англии, женился, но вскоре бросил семью.

С приходом к власти национал-социалистов для Алоиса Гитлера настали счастливые времена. Он открыл небольшую пивную в предместье Берлина, а незадолго до окончания войны перенес ее на Витгенбергерплац, в фешенебельный квартал на западе столицы. Пивную часто посещали нацисты, и в первые годы войны, когда с продуктами было плохо, в ней всегда царил изобилие. В те дни я тоже иногда заглядывал туда. Шестидесятилетний Алоис, тучный, простоватый и добродушный, внешне мало походил на знаменитого сводного брата и ничем не отличался от многочисленных владельцев небольших питейных заведений, разбросанных по Германии и Австрии. Дела у него шли хорошо, и он, предав забвению небезупречное прошлое, наслаждался обеспеченной жизнью.

Боялся он лишь одного — чтобы сводный брат в припадке раздражения не отнял лицензию. В пивной поговаривали, что фюрер сожалел о существовании сводного брата, напоминавшего ему о скромном происхождении их семьи. Помнится, Алоис отказывался участвовать в каких бы то ни было разговорах о сводном брате, — разумная мера предосторожности, правда, разочаровавшая тех, кто пытался узнать как можно больше о прошлом человека, уже к тому времени приступившего к завоеванию Европы.

За исключением «Майн кампф», на страницах которой дается скудный биографический материал, что нередко вводит исследователей в заблуждение и имеются большие временные пробелы, Гитлер не обсуждал и не позволял обсуждать в его присутствии свою родословную, детские и юношеские годы. С прошлым семьи мы познакомились. Какими же были детство и юность фюрера?

Детские и юношеские годы Адольфа Гитлера

В тот год, когда отец в возрасте пятидесяти восьми лет оставил службу в таможне и вышел на пенсию, шестилетний Адольф начал ходить в школу в деревне Фишльхам неподалеку от Линца. Это произошло в 1895 году. Затем в течение четырех-пяти лет беспокойный пенсионер несколько раз переезжал из одной деревни в другую в окрестностях Линца. К тому времени, когда сыну ис-

18 наполнилось пятнадцать лет, семья сменила семь раз место жительства, а мальчик пять школ. Два года он посещал занятия в монастыре бенедиктинцев в Ламбахе, по соседству с которым отец приобрел ферму. Там юный Гитлер пел в хоре и, по его собственным словам, мечтал о духовном сане. В конце концов вышедший на пенсию таможенный чиновник прочно обосновался в деревушке Леондинг, к югу от Линца, где семья занимала скромный дом с садом.

Когда мальчику исполнилось одиннадцать лет, он стал посещать среднюю школу в Линце. Для отца это было связано с определенными финансовыми издержками, но свидетельствовало о его честности — сын должен пойти по стопам отца и стать государственным служащим. Юноша же меньше всего стремился к этому. «Мне едва исполнилось одиннадцать, — рассказывал впоследствии Гитлер, — когда я впервые был вынужден сказать «нет» собственному отцу... Я не хотел быть чиновником».

Невеселая история непримиримой борьбы мальчика, по сути, еще ребенка, с упрямым и, как он уверяет, деспотичным отцом — один из немногих эпизодов биографии, подробно и откровенно описанных Гитлером в «Майн кампф».

Этот конфликт стал, по существу, первым проявлением необузданной силы воли, которая впоследствии завела его так далеко и, несмотря на казавшиеся непреодолимыми препятствия и трудности, сокрушила всех, кто стоял у него на пути, наложила неизгладимую печать на судьбы Германии и Европы.

«Я не хотел быть чиновником. Нет и еще раз нет! Все старания отца привить мне любовь и уважение к этой профессии, примеры из его собственной жизни имели совершенно противоположный эффект. Меня... тошнило от одной мысли, что придется сидеть в конторе, не располагая свободой и собственным временем, сведя цель жизни к заполнению бумажных формуляров...

В один прекрасный день я понял, что стану художником... Отец мой лишился дара речи. Художником?

Ему показалось, что я не в своем уме, или, может, он считал, что ослышался и неправильно меня понял. Когда же отец выяснил, о чем идет речь, и осознал всю серьезность моих намерений, он в свойственной ему категоричной манере стал возражать...

— Художником? Нет! Никогда, пока я жив!..

Отец долго повторял свое «никогда». А я тем не менее настаивал...»

Ссора привела к тому, что мальчик бросил школу. «Я подумал, — объяснял Гитлер, — что, как только отец убедится, насколько неблагоприятно обстоят мои дела в школе, он позволит мне осуществить свою мечту, независимо от того, по душе это ему или нет».

Эти слова, написанные тридцать четыре года спустя, в какой-то мере могут служить оправданием школьных неудач Гитлера. Его оценки в начальной школе были в целом хорошими. Но в средней школе в Линце Гитлер учился весьма посредственно и в итоге, не получив аттестата, вынужден был перевестись в школу в Штейре. Там он занимался недолго и, недоучившись, бросил школу.

Школьные неудачи не давали покоя Гитлеру и в более зрелом возрасте, когда он всячески высмеивал ученых мужей, их степени, дипломы, тщеславие и высокомерие. Даже последние три-четыре года своей жизни, находясь в ставке Верховного главнокомандования и вдаваясь в тонкости военной тактики, стратегии и командования, он иногда откладывал все дела и вместе со старыми друзьями по партии предавался воспоминаниям о недалекости учителей, преподававших ему в юности. Некоторые высказывания этого безумного гения, в то время Верховного главнокомандующего, лично руководившего огромными армиями на пространствах от Волги до Ла-Манша, дошли до наших дней.

«3 марта 1942 года

Вспоминая своих учителей, я понимаю, что у большинства из них было не все в порядке с психикой. Те же, кого можно считать хорошими преподавателями, являлись исключением. Печально думать, что такие люди способны были преградить молодому человеку дорогу в жизнь.

12 апреля 1942 года

Самые неприятные воспоминания остались у меня об учителях, преподававших в школе. Внешний вид говорил об их нечистоплотности, воротнички всегда казались несвежими... Они были порождением пролетариата, лишенного способности мыслить самостоятельно, их отличало крайнее невежество, и они прекрасно подходили для того, чтобы стать винтиками деградирующей системы правления, которая — слава Богу! — теперь уже в прошлом.

29 августа 1942 года

Вспоминая своих школьных учителей, я сознаю, что половина из них были людьми ненормальными... Мы, ученики старой Австрии, воспитывались в духе уважения к старикам и женщинам. Однако мы были безжалостны по отношению к нашим преподавателям, они являлись для нас настоящими врагами. Большинство были умственно неполноценными, и многие к концу жизни превратились в настоящих безумцев... Особенно не везло с учителями мне. Совершенно не проявились мои способности